

18+ Сергей Куклев

В голове моей опилки...

Производственный роман

Сергей Куклев

В голове моей опилки...
Производственный роман

«Издательские решения»

Куклев С.

В голове моей опилки... Производственный роман / С. Куклев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746235-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта
книга про меня и про вас. Про лихие девяностые и крутые нулевые. О любви
и страхе, о королях и капусте, кроличьих норах и ангельских крыльях. О моей
жизни, которая так причудливо переплелась с вашей.

ISBN 978-5-44-746235-2

© Куклев С.
© Издательские решения

Содержание

Кризис среднего класса	7
Эверест и его обитатели	11
Закулисье похорон: Никогда не курите в могиле	20
Закулисье Азии: Садык и девальвация	24
Азия: Туда и обратно	29
Начало. Цены и границы	29
Провинциальное чаепитие	31
Пуд селя	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

В голове моей опилки...

Производственный роман

Сергей Куклев

© Сергей Куклев, 2016

ISBN 978-5-4474-6235-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Возможно, это и неправильно, но мне кажется, что название этой книги нужно объяснить. Когда-то Дейл Карнеги (да-да, это тот самый парень, который лучше вас знает, какие вам нужны друзья) написал: «Кто из вас в своей жизни хоть раз пилил опилки? Конечно, никто не может пилить опилки. Они уже напилены. То же самое с прошлым. Когда вы начинаете беспокоиться о вещах, которые уже прошли, вы занимаетесь тем, что пилите опилки».

И вот тут происходит логический парадокс. С одной стороны, старина Дейл, конечно, не может ошибаться при таких-то тиражах. С другой – мне почему-то кажется, что любой человек очень любит свое прошлое, потому что оно только его. В этой интимной комнатке, где горит оранжевый торшер, на диване лежит теплый плед, а в стакане налит портвейн, человеку хорошо. Даже если вокруг дивана стоят неясные тени прошлого, а в платяном шкафу скелеты играют в покер.

Прошлое прекрасно своей неповторимостью, оно и делает нас уникальными. И в этом смысле я не исключение. Думаю, что нет ничего интереснее и удивительней моей жизни. Однако, про нее уже написано. И даже про то, как писалось, тоже написано. Понимаете, какая засада? Я в плену своего прекрасного прошлого. И это чертовски облегчает мою задачу. Осталось всего лишь красиво разложить опилки на мониторе, чтобы вам уютно было в моей комнате с портвейном и скелетами.

Когда мне было 20, читатели приходили в редакцию в поисках 40-летнего репортера, написавшего «про это такими словами». Глядя на вихрастого парня в свитере, только что вернувшегося из командировки и остервенелого бьющего по клавиатуре, они не верили в авторство «таких слов», качали головой и желали удачи. Может, при этом про себя поминали переселение душ, тихонько крестились и пили дома валерьянку – не знаю. Было не до того. На носу – дедлайн, редактор хочет уже читать репортаж, а у меня только-только третья тысяча знаков выползает на экране. Голову поднять некогда, да и незачем. Я снова возвращаюсь туда, откуда приехал два часа назад, чтобы процедить через мозг и душу события, судьбы, пейзажи и выдать их в утреннем выпуске газеты.

Хотел бы я сейчас снова научиться так неистово чувствовать, писать и жить... Но – мне уже 40, и с журналистикой покончено. Хочется верить, что не навсегда, хотя особых предпосылок для оптимизма нет. Репортер, как скрипач из «Кин-дза-дза», уже не нужен. Мое ремесло погубило под спудом пресловутого клипового мышления. Кто будет тратить целый час на неторопливые репортажи о местах, где вряд ли окажется, и людях, с которыми вряд ли познакомится? Гораздо проще пролистать ленту соцсети. Там ведь быстро и во всех ракурсах покажут, что в очередной раз «взорвало Интернет».

Хуже всего то, что нынешний «репортер» должен подать тему под нужным углом, а это уже нечестно. Хочешь остаться честным – будь готов к увольнению (вопреки массовому убеждению, большинство журналистов едва сводят концы с концами, и увольнение для них смерти подобно) или смени профессию, предав предавшую тебя. Очень точно сказал мой первый редактор в журнале «Русский Newsweek» Леонид Бершидский про то, что медиа перестали

выполнять свою главную функцию – «защищать слабых от сильных». Сказал – и эмигрировал в Германию.

Мне, в конце концов, тоже пришлось сделать именно так – эмигрировать, но только из профессии. Обидно, ведь 20 лет я только и делал, что писал для своего – как всегда считал – читателя. Однако, предисловие затянулось, но чтобы вы лучше меня поняли, начну с колонки, написанной в последний год моей журналистской карьеры. Наверное, и сам хочу понять, кто я – вынужденный герой или сбитый летчик.

Итак, опилки номер раз...

Кризис среднего класса

Я смертельно боюсь жизни. Погоня за уровнем существования среднего класса сделала меня заложником, ожидающим публичной казни перед телекамерой.

Ипотека превратила в раба системы. Когда-то казалось, что выбора нет, и ипотечное ярмо не натирало шею. Собственная крыша над головой была благом, а сил тащить воз было много. Теперь каждое 20-е число месяца я обреченно тащусь в банк, чтобы отдать. И каждое 20-е понимаю, что стоит остаться без работы, и уже банк сможет взять. Меня, мой образ жизни, да даже мою правую почку, как бы дорога она мне не была...

Новости, в которые по долгу службы я ежедневно погружаюсь с головой, заставляют виски сесть, виски – пить, а мыслями постоянно возвращаться к жене и дочери: как они там без меня? И никаких *veni-vidi-vici*, приспособляемость – залог выживаемости.

Полярность сетевых суждений, цифровой суицид, виртуальные изнасилования, вечное предчувствие войны, просьбы о помощи, конфликты интересов, отсутствие какой-то законченной правды – вот мир, в котором я живу и в котором боюсь жить.

За рамками этого мира – семья и близкие. Семью нужно кормить и любить, близких – любить и пытаться сократить дистанцию. Не отдалиться тяжело, потому что хочется одного: ограничить круг общения диваном и каналом «Дискавери».

Замечаю, что не я один такой. Устав от общения по «Скайпу» и в «Фейсбуке», друзья не спешат принять приглашение в гости. И к себе не зовут, даже если скажешь, что несешь коньяк. У каждого – семья, дом, работа, сон до обеда в субботу и шкала жизненных ценностей, похожая на ценники у соседнего дискаунтера. Обесцененная...

Раньше мы писали стихи и пили вино у костра. Творили безумства, за которые не было стыдно наутро. Мечтали до мордобоя и любили без пожарного выхода. Там, где была лестница, мы съезжали по перилам, там, где стреляли, мы вставали в полный рост. Теперь мы встаем в 7:30. В своем вечном самокопании сравниваем, уравниваем. Урываем. Зарываемся. Пьем в одиночку, любим одиночество, живем в одного. Смерти не боимся – ее нет, а жизнь – пугает до депрессии. Блокировка кредитной карты – как серпом по амбициям. Вечер пятницы – словно утро выпускного...

Часто думаешь, где тот юморной и беззаботный я, которому море было по колено, а проблемы – по щиколотку? Где мы? Почему продали свои огни, воды и медные трубы? За что?

Психиатр объясняет про ответственность, про отношение к жизни, про то, что все перемелется, и мука будет. Говорит про кризис среднего возраста и выписывает фенотарбидил, по две штуки на ночь. Я настаиваю: это кризис среднего класса, выбрасываю таблетки в унитаз и иду за пивом...

Депрессия хороша тем, что имеет свойство периодически оставлять человека. Тогда он бесшабашен, весел, сорит деньгами и целуется в засос. Кому-то для такого состояния достаточно вовремя полученной зарплаты, кому-то любви, ну а мне хватало новых острых ощущений. Из-за этого я и пошел в репортеры, хотя до последнего был уверен, что стану учителем русского языка и литературы. По крайней мере, такую стезю мне готовил родной Челябинский госуниверситет.

Люблю вспоминать годы учебы. Они пришлись на те самые тяжелые 90-е. Странное время. Гораздо более эгоистичное, чем пресное сегодня. Я имею в виду то, что каждый мог себе позволить делать все, что хотел. Наемные убийцы – убивать, юные бизнесмены – обманывать и обманываться, странные парни, потерявшиеся в 80-х и не обросшие жирком к 90-м – вроде меня – писать стихи, пить пиво на центральной городской площади, ну и учиться, конечно. С одной стороны, это давало отсрочку от армии, с другой – глупо было не получить высшее образование, пока оно не стало платным.

В университет я поступил легко – с тремя «пятерками» за все экзамены. Все потому, что за два года до окончания школы попал в первый в городе лицей. Тогда еще никто не знал, чему должно учить лицеистов, поэтому занятия проходили на базе университета, и к моменту поступления в моей голове осела, в сущности, учебная база двух курсов.

Я очень плавно и безболезненно сменил школьную форму на студенческие джинсы. Осталось только понять, как провести ближайшие пять лет максимально весело. Это оказалось несложно. Представьте: филфак, 120 студентов на потоке, из них только восемь молодых людей, остальные – фривольные дамы. Помимо интрижек и романов, большая часть мужского населения нашего потока увлеклась хоровым пением в фольклорном коллективе. Не скрою, влились мы в него не только из-за красоты казачьей песни и городского романса, но и по причине доступа в помещение для репетиций – ТДКС. До сих пор не знаю, как расшифровывается эта аббревиатура, но отлично помню, что в «тадике», как мы называли эту обширную

комнату с четырехметровым потолком, лежали балалайки и дудки, барабаны и гитары, имелась посуда, самовар и пианино. Остальное мы несли сами, благо до ближайшего пивного ларька от здания университета было метров двести. Довольно скоро выяснилось, что шарообразные плафоны, висящие на историческом факультете (наш корпус совмещал филфак и истфак), вмещают ровно пять литров пива. Итак, кто-то громоздился коллеге на плечи, отвинчивал плафон и передавал вниз. Оперативная бригада получала деньги и бежала к ларьку, попутно заходя в булочную за бубликом. Бублик – это важно. На него ставили плафон, не в руках же его держать. Потом, дабы не оставлять улики, отслужившую емкость пускали в свободное плавание по реке Миасс и закидывали камнями. Через несколько месяцев истфак освещали голые лампы. Осталось добавить, что репетиции проходили раз в одну-две недели, а в другие дни хозяевами «тадика» были мы, такие дела.

Отсидев важную лекцию профессора (на осколки советской образовательной системы вроде «Истории советской прессы» мы не ходили принципиально), наш крепкий коллектив собирался в «тадике» и до ночи в опустевшем корпусе универа раздавались голоса, бряцание гитары и прочая аморальщина. Мы делились планами, смотрели в будущее, соревновались в смелости. В общем, вели себя, как примерные студизусы из гоголевского «Вия». Часто в ТДКС и ночевали на столах. Утром снова бежали за пивом, и круг замыкался.

...И все-таки сейчас я часто задаю себе вопрос: как мы выжили? За других говорить не буду, но наша семья тяжело пережила 90-е. Отец ввязался в сомнительную авантюру, однозначно похожую на финансовую пирамиду. Его оправдывает то, что он работал персональным водителем создателя пирамиды, то есть был ближе к телу. Но совершенно непонятно, за каким чертом он убедил всех домочадцев (и меня в том числе) в необходимости продажи квартиры и перемещении немалой суммы в карман его работодателя. Дальше – классика. Пирамида накрылась, основатель улетел покорять берега офшорных стран, а мы остались без жилья. Зимой. В 90-е, когда зарплату могли выдать и продуктами производства предприятия. Хорошо, если колбасой, а если тазиками?

Хочу заметить, что уныние никогда не просачивалось сквозь железобетонную броню батиной уверенности, он устроился в ЖЭК и начал отрабатывать стаж, чтобы получить служебное жилье. Но несколько лет мы жили на квартирах у родственников и друзей. Мое место обычно было на кухне, на диванчике, под которым лежали учебники. Рядом – табуретка с магнитофоном и пепельницей. В голове – литература средневековья, в кармане – нож и ключ от «тадика». Утром позавтракаешь банкой пива с сигаретой – и на занятия, а к вечеру кривая вывозит порой в такие загадочные дали, что однажды перестаешь строить планы и отдаешься течению.

Кстати, о течении. Однажды гужевали мы на съемной квартире у моего близкого друга Женьки. Денег было не ахти, поэтому купили водки, каковая в то грозное время изготавливалась во вселенских масштабах из любого сырья, способного валить с ног. В нашем случае напиток имел изысканный запах одеколона – видимо, чтобы замаскировать сивушную вонь. Выпили, закусили макаронами, еще выпили, дальше пробел, а наутро мы с Женькой не смогли оторвать головы от подушек, настолько тяжелым было похмелье. Ползком (и это не метафора) я добрался до кухни и снял с плиты остывший чайник. Он был полон, и нам хватило его на двоих. Вырвало, конечно, зато стало гораздо легче. О, благословенная юность... Сейчас я бы еще пару дней не помышлял о том, чтобы выйти из дома, а тогда мы переглянулись и отправились на лодочную станцию, купив по дороге пивка.

Водные путешествия, как учит нас Джером К. Джером, считаются прекрасным средством для угнетения хандры и оздоровления. Мы взяли лодку напрокат и бодро погребли к середине Первого озера. Прохладный ветер быстро выгнал похмелье из головы, ноги, погруженные по щиколотку в обжигающую воду, сладко ныли. Погруженные – потому что в нашем плавсредстве обнаружилась дыра. Ее мы нашли и заткнули носком, но вот воду вычерпать было

нечем. Через какое-то время заметили странное оживление на берегу. Завыла сирена, и люди стали махать руками. Наверное, что-то случилось, но тут Женька заметил, как в опоры ЛЭП бьют молнии. Мы немного понаблюдали за буйством стихии, а потом поняли, что очень скоро попадет и в нас.

Полузатопленная лодка шла к берегу не очень-то ходко, а вот чернильные, в каких-то осьминожьих завитках тучи, напротив, нагоняли нас уверенно. Оставалось каких-то сто метров до берега, и тут начался град, шквал и полный Айвазовский. Лодку моментально перевернули волны, вплавь мы добрались до земли. Через полчаса вакханалия закончилась. Думаете, на подгибающихся ногах и с колотящимися сердцами мы долго еще переживали налет шторма? Нет, выжали джинсы и отправились в ларек в поисках контрафактного спиртного. Весело было, но иногда я спрашиваю себя: как мы выжили?

В продолжение темы о веселье и выживании добавлю к моим опилкам еще одно воспоминание. В 2005 году репортаж о треке к базовому лагерю на Эвересте первоначально был размером в 28 страниц «Ворда». После редакторской правки осталось всего шесть, журнал-то не резиновый. Жалею, что не сохранил первую версию, зато пришлось потом вспоминать все заново и получилось... веселее.

Эверест и его обитатели

Как-то мы с фотокорром Андреем по затейливому заданию редакции добрались до базового лагеря на Эвересте. Три недели провели в Непале, три недели мечтали вернуться в оттаивающую мартовскую Москву. Непривычен нам гималайский быт. Впрочем, я немного брюзжу. На самом деле не хватало только душа, пельменей и воздуха. «Высота убивает медленно. Берегись!» – так было написано у входа в Сагарматха нэшнл парк. Мы береглись по мере сил, хотя однажды чуть было не встретились с особенно близким в горах Создателем во время перехода, который по самым скромным подсчетам занимает двое суток, а не десять часов...

Отель «Роял Сингхи» в самом центре Катманду встретил нас кондиционированной прохладой. «Андрей, ты какие языки знаешь?» – задумчиво спросил я фотокорра, шевелящего босой пяткой на кровати в номере. «Никаких», – заодно ответил Андрей и начал разбирать тяжеленный рюкзак с фотографическим стеклом и железом. «Плохо...» – так же задумчиво протянул я, наблюдая в окно, как из пыльного зеленого джипа вываливаются вооруженные солдаты. Я более или менее понимаю три языка, но ни на одном не говорю бегло. А тут... Мы летели 12 часов, здесь гражданская война, король Гьянендра и никакой надежды на проходящие через Бологое электрички.

Звонок в номер: «Хелло, внизу вас ждет проводник». На ресепшн действительно ждали. Трое непальцев в кожаных куртках, узкоглазые, темнолицые и деловые. Этакие братки. Познакомились, аккуратно пожали руки – в Непале свежи еще предрассудки насчет нехватки туалетной бумаги и использования подручных или – на крайний случай – ручных средств для подтирки.

Да ладно, в базовом лагере нам пришлось пить чай из воды напополам с мочой яков, которые вереницами таскают грузы из долины в горы. Облегчаются они по пути, вода – из гигантского ледника Сола Кхумбу, который тащится от долинной части Непала до самого Эвереста. Вот и приходится пить то, что есть. Вертолеты с «Кока-колой» тут не летают. Один Ми-8 вот отлетался – лежит сейчас брюхом вверх у самого базового лагеря. В нем теперь Новый год отмечают те, кто готовится к восхождению в декабре. Лентами украсили, трехцветными буддистскими флажками. Внутри – запустение и пустые канистры из-под спирта...

Так вот, братки на ресепшне собрались, чтобы обсудить маршрут, а заодно понять, чего же этим странным русским с бритыми головами надо. Глава принимающей турфирмы счел за честь лично встретиться с неприятелями клиентами. Лично отметить места ночлега, питания и прочего сервиса. Небрежно постукивая сигаретой о край пепельницы в подлокотнике зеленой кожи кресла, я заявил, что ничего нам из сервиса не надо, люди нас интересуют, безумцы, тратящие массу денег, времени и здоровья на восхождение. Директор напрягся и еще раз переспросил на мяукающем английском. Я заверил его, что все так и есть. Тогда он с трудом поднялся из кресла, широко махнул рукой и сказал: «Ит ыз ё гайд!» Неприметный парнишка, разглядывающий до того открытки на стойке, подбежал и, заглядывая в глаза, представился. Я даже не понял, что он сказал...

На следующий день мы сели в самолетик – бывший французский бомбардировщик – и отправились в Луклу, чтобы оттуда начать наше путешествие по Гималаям.

В долинной части Непала спокойней. Крестьянский быт, зелень, бьющая в глаза, кусты с ярко-красными цветами – одним из символов страны. Если я правильно понял, то цветы эти не что иное, как суданская роза, Впрочем, за верность этого утверждения не ручаюсь. Проводник бодро попер в гору. Увидев, что журналисты задыхаются с непривычки, перешел на спокойный шаг. В горах он преобразился и стал уверенней и непринужденней. «Слушай, меня зовут Сергей, это – Андрей, а как тебя зовут, только покороче, типа Сергей, Андрей?» – задал

я мучающий меня вопрос, ведь с этим худеньким парнишкой нам предстоит провести три недели. «Анг Нуру, – сказал он. – Можно просто Нуру». О'кей.

Нуру оказался большим приколистом. Первые пару дней он пытался услужить. Вечерами старательно выпытывал, принести ли нам тазик с горячей водой в номер гостинички-«лонжи» или вынести его на улицу. Нам, выросшим еще в советские времена, такое низкопоклонство казалось глупым и вычурным. Пришлось провести с Нуру воспитательную беседу и объяснить, что крепостное право в России отменено давным-давно. Тогда наш «гайд» осмелел и позволял себе вечерами пропадать в компании с другими шерпами-проводниками.

Да, шерпы... Это особое племя – тибетцы, в свое время перевалившие через гималайские хребты и обосновавшиеся в долине Сола Кхумбу. Выносливые, живучие и неприхотливые, как белки. Если нам вечно не хватало еды, то Нуру довольствовался лепешкой из порошкового картофельного пюре, сдобренного куском масла и огромной порцией жгучего перца. Есть это невозможно, но Нуру, приговаривая «В перце – сила шерпа», поглощал это адское блюдо и бодро шел дальше.

Ветровка «North Pole», ботинки «Salomon», шапочка, ковбойский платок от пыли, прямоугольные очки, рост 160, рот до ушей – вот вам портрет Анг Нуру. Его настоящие глаза увидел, когда на третий или четвертый день мы впервые подошли к тому месту, откуда можно увидеть вершину Эвереста. «Сагарматха...» – выдохнул проводник. Без понтов, с жалостью, с ненавистью, со всей силой своей шерпской естественности. У него на Сагарматхе погиб брат – провалился в замаскированную снегом ледяную пропасть. Теперь Нуру и ненавидит священную гору, и поклоняется ей.

«Знаешь, какие они оттуда приходят?» – спросил он меня на вершине горы Калапаттар. «Кто?» – не понял я. «Ну люди, мертвые...» – ответил Нуру. И продолжил: «Их перемалывает ледник. Они могут лет двадцать сползать с вершины вместе с ним. Потом то, что осталось, мы складываем в мешки и уносим...» Невыносимое на высоте солнце заставляло его щуриться сильней, чем обычно. Кажется, под стеклами очков что-то блеснуло. Слеза от ветра или в память? Брата его так и не нашли...

Он еще ловко скакал по камням, наш Нуру. Брал на себя заботу по поиску ночлега, чтобы не «кинули». Заработать деньги в Непале можно двумя способами: либо начать производить глиняные кирпичи, которых вечно не хватает, либо таскать туристов или их груз к Эвересту. Поэтому «кидалово» процветает. Могут продать кружку чая, заваренного из использованного уже пакетика, по цене пачки сигарет. Нуру это дело пресекал безжалостно и кормил нас, гигантов по сравнению с полутораметровым «гайдом», на убой (по его понятиям). Все – чтобы мы дошли, это ведь маржа...

...Потом в Катманду мы договорились, что встретимся. И – самое интересное – мы встретились. Нуру оказался, по нашим понятиям, «upper middle class». У него есть дом – редкость в Катманду. Более того, он имеет возможность сдавать часть его. В общем, деньги водятся.

Нуру подъехал за нами в «Роял Сингхи» на мотоцикле. Ну, это так называется, мотоцикл. На самом деле – это мопед с 75-кубовым движком. Но имя пышное – «Хонда». Андрей с Нуру на «Хонде», я – сзади на такси. Подъехали к той части непальской столицы, которая вряд ли найдется в туристических путеводителях. Темно, фонарей нет, а проходы между домами такие узкие, что мы – северяне – шоркали об стены плечами. За обнесенным забором из сетки рабицы – дом Нуру. Одноэтажная хибара, впрочем, они почти все здесь такие. Люди боятся землетрясений и пытаются распластаться на почве. Откуда-то сверху лает собака. «Я когда ухожу на трекинг, – пояснил „гайд“, – оставляю ее на крыше». «А не подохнет без еды?» – иронично скосил я бровь. «Не, не подохнет. Она месяц может так. Да и жильцы выходят из дома, ей что-нибудь бросают». Подивившись на непальские премудрости в деле обращения с животными, мы вошли в дом. «Сергей, – (у Нуру почему-то получалось „Сей“), – я приготовил тебе суккути, ты ведь его любишь. А еще я купил ром, тебе он тоже понравился». Прекрасный Нуру... Мяса и в самом деле всегда не хватало, нет его в горах, там каждая корова работает на переноске грузов, пока в прямом смысле не откинет копыта, потом уже ее едят.

А суккути – это порезанная в лапшу говядина, пережаренная с луком, специями и помидорами – ужас диетолога. Местный ром «Кхукри» вполне съедобен после второй стопки. После пятой – это уже практически амброзия, очень уж духовит. Поели-попили, выяснили, почему Нуру упорно учит японский язык. Оказалось, что наш ушлый парнишка, едва разменявший «четвертак», надеется таким образом клеить девчонок в европеизированной части Катманду, представляться собирается туристом из Японии. Молодец...

В районе двух ночи Андрей сказал, что ему пора в гостиницу спать, дескать, завтра с утра он поедет снимать похороны. Нуру отвез его на мотоцикле, а я в это время рассматривал обиталище. Комнатушка, кровать сантиметров 20 в высоту, столик немного повыше кровати, индийские плакаты, стерео с неудобоваримыми для русского уха песнями, телевизор с чудовищными в своем натурализме роликами о личной гигиене (эта проблема, в самом деле, остро стоит в Непале). Нуру вернулся: «Сергей, а почему ты не доел суккути?» «Я тебя ждал, у нас не принято, чтобы в одиночку пить и есть». Нуру задумался о странной стране Россия. А до этого мы уже ему показывали фотографии зимней рыбалки. Похоже, он так и не поверил, что озеро может оказаться под толщей льда, на которую можно встать без опасений провалиться, и длится такая жуть почти полгода...

Настало и мне время ехать в гостиницу. Спать. «Нуру, а давай я буду вести, а ты сзади посидишь», – попросил я, едва ворочая языком после «Кхукри». «Давай», – согласился он. Я завел «Хонду» и с трудом вывел ее из узкого лабиринта дворов. Погнали. Существенно мешало то, что в Непале левостороннее движение, так и тянуло на встречную полосу. Ночное Катманду – это спящий монстр. Тотальная экономия не позволила натывать через каждые 50 метров фонарей, и поэтому путь наш освещался только скудным и помаргивающим фонарем «мотоцикла». «Стой, Сеей», – неожиданно заорал Нуру. Что такое? Перед нами – военизированный патруль: скоро непальский Новый год, поэтому местные «гаишники» с автоматами шерстят всех подряд.

Нуру пересел за руль. Выписывая синусоиды, наше транспортное средство пересекло линию взгляда солдат. «Садись опять», – Нуру, покачиваясь, вылез из седла. Это повторялось еще пару раз: едва завидев патруль, мы менялись местами, а потом снова проводник давал мне возможность ощутить, что же такое бешеная гонка на мотоцикле по темным улицам столицы затерянного в Гималаях государства.

Подъехав к гостинице, я спросил из интереса: «Покажи свои права». Нуру вытянул из кармана какую-то бумажейку, больше похожую на отксеренную «левую» московскую регистрацию. Вглядевшись, я понял, что на фото не мой Анг Нуру, а какой-то другой. Гораздо старше, гораздо усатее, много европеоидней. «Это мой брат, – спокойно заметил шерп. – Моя мама может ездить, я могу ездить по этим правам. У нас такие правила». «Закачавшись полутора литрами рома», – добавил про себя я. Нам не понять гималайские нравы...

Пока я курил у входа в «Роял Сингхи», мимо прошли две проститутки: «Мистер, лав?» «Ноу», – мрачно ответил я. На завтра предстоял визит к йогам, время и алкоголь уже зашкаливали за 2 промилле и 5 утра. Нуру уехал, выписывая кренделя передним колесом и нещадно копя некачественным бензином небо. Андрей спал, как младенец, положив руку на зарядник фотоаппарата. В ноутбуке сияла последняя открытая фотка – Эверест. Ложась спать, я выдохнул: «Сагарматха...»

Все это случилось уже потом, после возвращения из базового лагеря на Эвересте и с вершины Кала-Паттара, после пяти дней обратного пути, когда Сагарматха магнитом вцепилась в спину и не отпускала в мутную цивилизацию. А первое время в Катманду мы с фотокором Андреем чувствовали себя из рук вон плохо: пыль, жара, непонятный запах. Но прогуляться по столице Непала хотелось. Отправились ночью. Не лучшая идея в стране, где идет гражданская война, но нам было все равно, ходить по ночным улицам российских городов в 90-х

было на порядок опасней. Портье гостиницы попытался нас образумить, но мы твердо стояли на своем; он открыл дверь и тут же запер ее за нами.

Фонари в Катманду – только в предназначенном для туристов районе. Зато на остальной территории – тьма-тьмушая. Впрочем, мы были готовы и с карманными фонарями устроили охоту на беснующихся цикад, которые, как и мы, радовались наступившей прохладе.

Катманду – это муравейник. Издалека кажется застывшим монолитом, зато вблизи видно, что из окон квартир из-под жалюзи, закрытых днем и ночью, выбивается голубое сияние телевизоров. Кафешки «для местных» работают чуть ли не до полуночи, ведь вечер – время отдыха для отработавших весь день непальцев. В одну из таких мы и вошли. Сказать о непальской кухне просто – никакая она, такая же неприветливая, как и местные кулинары. Деликатесом считается «момо» – готовится, как манты, варится, как пельмени. Только внутри – сплошные специи, а снаружи – хитро изогнутый хвостик. Изгибают его в зависимости от начинки, но я, если честно, так и не разобрался в ассортименте момо, хотя их, по словам поваров, около 40 видов, различий я не почувствовал. Суп из змей здесь не варят, пауков не жарят. Суп и чай, кстати, похожи, как близнецы-братья. Оба делаются из порошков, заключенных в цветные банки. Нужно постараться, чтобы отличить эти банки друг от друга. В горах поступают еще проще: давят чеснок в миске, солят и заливают его кипятком – «гарлик суп» получается.

С поварами мы разговаривали долго. Отчасти этому способствовала бутылка рома, отчасти любопытство фотокамеры, изведшего на кухне гигабайт памяти. Между прочим, душевные люди эти непальцы. Общась исключительно жестами, мы обсудили все нюансы международного положения, рассказали об Урале, посмотрели выразительную пантомиму о моде на трансвеститов в Непале. Распрощались совсем за полночь. Разбудили спящего портье, с удивлением вспомнившего постояльцев. Сбросили вспотевшие майки. Все-таки в Катманду душно...

Приятно было вспомнить о равнинных встречах в Катманду на высоте порядка четырех тысяч по дороге к базовому лагерю у подножия Эвереста. Там есть очень неприятный перевал из долины Чхукунг, если я правильно помню названия. Почти отвесный, нагретый солнцем и такой длинный, что забраться на него не решаются делегации полновесных американцев или

те, кто решил приехать в Гималаи с детьми. Ни мне, ни фотоктору, честно говоря, не хотелось лезть по круче. Мы как раз пили чай (вернее лимонный порошок, разведенный в кипятке) в лодже перед перевалом. «Камон, Сеей», – тормошил Нуру, наш проводник. «Да погоди, дай отдышаться», – отнекивался я, понимая, что Нуру прав: еще полчаса, и усталые ноги одеревевают, а легкие, едва приспособившиеся к темпу подъема, опять начнут гореть на вдохе. Надо идти с небольшими перерывами. Каждое утро, когда мы выходили на маршрут, первые полчаса хода были самыми мучительными. Мозоли притирались к носкам, мышцы неохотно разогревались, глаза медленно привыкали к солнцу. Ничего хорошего нет и в том, что в 30—40-градусном пекле нельзя раздеться. Шли в темных очках, подняв воротники курток, в перчатках и опустив «уши» кепок. Иначе мощный поток ультрафиолета на такой высоте за несколько минут обожжет кожу до волдырей. Даже Нуру, проживший здесь всю свою жизнь, пользовался кремом от загара.

Перед неприятным перевалом я увидел маленькую старушку в очках, в совершенно дачном плащике и панаме. Не отвлекаясь на чай, она медленно полезла в гору. «Надо взять интервью», – автоматом пронеслась мысль. Вот бабушка уже поднялась метров на сто и скрылась за валуном, а я все пил чай, ни на секунду не сомневаясь, что настигну потенциальную интервьюируемую леопардовым скачком. Через три часа, когда мы, совершенно выдохнувшись, присели на камень на вершине перевала, бабушки и след простыл. Хотя было бы интересно поговорить с ней именно здесь, в своеобразном мемориале погибшим на Эвересте экспедициям.

Гигантское плато, сжатое с боков скальными стенами и обрывающееся перевалом, уставлено пирамидками, сложенными из камней. Каждая – экспедиция, в которой погибли люди, к каждой прислонен камень с выбитыми именами. Как предостережение идущим дальше. Экспедиции, в основном, интернациональные по составу. Среди американских, французских и немецких видны и русские фамилии. В 2006 году на Эвересте погиб россиянин Игорь Плюшкин. Не знаю, успели ли поставить ему памятник в этом самом мрачном по пути к Эвересту месте.

Бабушку мы встретили в Лобуче. Добравшись до лоджи, упали на кровати, пока голод не погнал нас в столовую. Пока ждали ужина из «гарлик супа» (ели его постоянно, очень полезно, по утверждениям Нуру) и лапши, я побежал в соседнюю лоджу, чтобы купить воды в магазинчике. А вот там и увидел Габи, так звали бойкую немку, которой уже под 70. Позвал Андрея, выбрались на природу. «Как же вы, Габи, решились на такой поход?» – уважительно спросил я. «Голубчик, я всю жизнь занималась альпинизмом, – весело ответила Габи, не отрывая взгляд от солнца, погружающегося за гималайские пики. – Мои дочери и внуки выросли. Теперь, конечно, я не могу себе позволить лазить по скалам, но треккинг вполне по силам». Выяснилось, что немка не может позволить себе штурм отвесных стен по одной простой причине – у нее в переломанную ногу вставлены стальные спицы. Вот так...

А канадца Ларри мы встретили уже в базовом лагере. Рано утром выползли из палатки пораньше, хоть и не спали всю ночь. Внутренние непромокаемые скаты от дыхания обросли пушистым снегом, который утром стал комками падать на лицо. Мы знали, что будет холодно, напялили на себя всю одежду и влезли в спальники в ботинках. Ночью переворачивались с боку на бок по команде, слушали, как взрывается под нами трещинами ледник Кхумбу, на котором стояла палатка, и падают лавины. Под этот аккомпанемент заснуть было невозможно, хотя Нуру и успокаивал: мол, если мы слышим, как «стреляют» трещины, это мелочи, они могут образовываться и за километр от нас, а лавины, ну, что лавины, мы же не под стеной находимся.

Продрогшие, мы стояли на солнце и отогревались. Нуру готовил чай, взяв воду из ямки, куда успели помочиться яки, носильщики вытряхивали снег из палатки. Вдруг я заметил, что по леднику, круто уходящему вверх, к Эвересту, спускаются едва заметные фигурки. Андрей сменил объектив на телевик и сообщил, что это люди. Мы побежали к ним навстречу. Напрасно: они были так далеко, что прошло часа два, прежде чем они дошли до базового

лагеря. Тут сложно оценить расстояние. Гималайские масштабы не укладываются в голове: вроде видишь оранжевую палатку, идешь к ней полчаса, а это оказывается здоровенный шатер человек на 20. С горами еще сложнее: находясь на высоте 5 500, приходится убеждать себя, что вон тот холмик выше на два километра, просто до него не близко.

Жизнь базового лагеря похожа на обычную походную. Кто-то ставит палатки, кто-то готовит еду на всех, отдельная бригада копает яму для туалета, ведь жить в базовом придется долго. На подготовку снаряжения и акклиматизацию уходит по несколько месяцев...

Ларри появился как триумфатор. В красных бахилах и черной куртке, обвешанный альпинистским железом, с ледорубом наперевес. Он стоял на валуне, смотрел на нас сверху вниз, и снег отражался в его очках. Представившись, я задал тот же вопрос, который задавал каждый день вот уже две недели: «Зачем все это? Куча денег, масса опасностей?» Ларри наклонился, оперся о ледоруб и ответил: «Если ты спрашиваешь „зачем“, ты ни черта не понял в этой долбаной жизни...»

Вот еще одна встреча – для понимания этой долбаной жизни и самого понятия «целеустремленность». Вернемся на пару дней назад. Когда мы сидели в «столовой» в Лобуче и делились впечатлениями от разговора со старушкой Габи, дверь тяжело отворилась, и на пороге, держась за проем, появился здоровый мужик. Охотничья куртка, камуфляжные брюки, усы на красном вспотевшем лице – однозначно, русский. «Вы откуда?», – спросил я на родном языке. «Из ада...» – ответил он. Мы познакомились. Москвичи Татьяна и Виктор решили осуществить свою мечту и отправились в Непал. Но у Виктора началась горная болезнь. Ему было плохо так, как не бывает плохо с самого тяжелого русского похмелья. Слабость, головная боль, тошнота, нехватка воздуха. Накрыв спальником, мы уложили его на скамью и принялись поить чаем. Нуру отозвал меня на улицу и сообщил, что, по его мнению, во всем виноват гид московской пары. «Я вас постоянно кормлю и пою чаем, а тот гид, наверное, экономил, вот Виктору теперь и плохо. У меня такого не бывает, я хороший гид», – похвастался Нуру, и мне захотелось дать ему чаевые.

В той же лодже нашлись еще трое русских. Я им завидовал. Еще на перевале я увидел, как с горы в долину летит голубой парашан. Валентин Дмитриевич – его хозяин – крепкий человек с седой щетиной и совершенно синими глазами. Завидовать было чему: недавно Валентину Дмитриевичу исполнилось 72 года. И приехал он не на треккинг, а чтобы достать старый парашан, вмерзший в ледник где-то на 6 500. Ни одно российское мероприятие, будь то «Лыжня России» или международная экспедиция на Северный полюс на собачьих упряжках, не обходится без Дмитрича. А тот парашан он самолично закопал на склоне, куда его принесло ветром, когда облетал ледник Кхумбу, чтобы с воздуха определить самый безопасный путь на Эверест. Спускался «дед» Валентин со сломанной ногой...

Завидовал я и Сереге, моему погодку. Он с отцом путешествовал по Гималаям, чтобы написать курсовую работу по индуистике. Учится и живет Серега в Гамбурге, его отец – то там, то в Москве, автомобилями занимается. Как бы это так умудрится наладить жизнь, чтобы средний российский студент, пишущий работу по фламандской живописи, мог посетить европейские музеи за счет института? С Серегой, его отцом (забыл, как зовут уже, вот ведь) и Валентином Дмитриевичем мы облазили все окрестности Лобуче. Добрались даже до итальянской метеостанции «Пирамида». Она и в самом деле пирамида с гранями, покрытыми солнечными батареями. Нам нужно было позвонить. Итальянцы сначала вежливо не понимали сути просьбы, а потом прямо заявили, что не дадут, потому что телефон сломался, но мы можем переночевать у них... за сто евро.

На следующий день мы в отличном настроении позавтракали, собрали рюкзаки и готовились пойти к подножию Эвереста и на вершину горы Калапаттар. Ночью Виктору стало хуже, Галина не спала, меняя мокрые повязки на его голове, отпаивая чаем. К завтраку он вышел бледный и пошатывающийся. Есть не стал, зато медленно, на подкашивающихся ногах полез вверх по склону, чтобы попытаться приспособиться к высоте, а если станет еще хуже, быстро спуститься. Ему мучительно хотелось увидеть Эверест, и ради этого он готов был пожертвовать, если не жизнью, то многим. Но не срослось, и теперь перед ним была только одна дорога – вниз, где больше кислорода, где отпустит «горняшка»...

Мы уже почти вышли из поселка, Валентин Дмитриевич балагурил и показывал, как он будет слетать со склона на своем парашане. Серега что-то писал в блокноте на ходу, Андрей забегал вперед и снимал наш маленький отряд.

Когда я оглянулся, то увидел, как Татьяна поддерживает Виктора, который машет нам вслед в своей нелепой охотничьей куртке. Горы не пустили его, и он отчаянно завидовал нам. И желал удачи...

Журналистика, бессердечная ты тварь. И гордыня – грех, и слава – филиал ада. А редакторат – подручные его. Из огня да в полымя кидали меня. Выжимали, как губку, после ночей под обстрелами или экспериментов над собственным телом и психикой. Искали в эмоциональном вареве оголенные нервы, дергали, трепали и требовали подробностей, топоча копытами, потрясая трезубцами.

А потом, опустошенного, удовлетворенно отбрасывали, сыто отрыгивая. Утирая капли крови с уголков ртов, милостиво наливали стакан традиционной российской валерьянки. Той, от которой сгорают за месяц, да чертей-редакторов по углам видят. На, подлечись, на следующей неделе тебе предстоит сошествие в ад. Но не таков я оказался, чтобы вернуться оттуда в белоснежной сорочке и сияющих туфлях. Не Бонд, не Джеймс Бонд ни разу. Возвращаешься оборван, нищ, похмелен и пуст...

Всякое бывало в моей репортерское карьеры. Я ведь и пошел в профессию, чтобы побывать и прожить там, где нормальному человеку делать нечего. Однажды, например, Леонид Парфенов, только-только ставший редактором «Русского Newsweek», вызвал меня и сказал, что нужно закодироваться от пьянства. Я сказал, что в моем случае проблема пока не достигла таких масштабов, и не больно-то и хотелось. Парфенов ответил, что вообще-то он имел в виду репортаж в стиле «испытано на себе», а если я откажусь, то буду уже четвертым отказавшимся, и номер журнала останется без заглавного текста. Что бы вы сделали? А я согласился, нашел специального врача, заплатил немалые деньги (выданные, разумеется, бухгалтерией) и закодировался. Но только для того, чтобы уже в редакции выпить стакан коньяку и сесть за клавиатуру. Занятные ощущения: пишешь и ждешь, когда начнется обещанный врачом отек легких с летальным исходом через 15 минут. Но это ничего, когда рядом есть куча коллег, и «скорая» в случае чего приедет через пару минут, а вот каково было одному ночью дома... Об этом умолчим, но не спал и, глядя в окно, курил сигарету за сигаретой. Кстати, вас никогда не закапывали в могиле? Меня, например, – да.

Закулисье похорон: Никогда не курите в могиле

У поселка Шапки под Питером есть песчаный карьер. Однажды я и еще полтора десятка человек приехали туда утром, чтобы собственноручно вырыть себе могилу и провести в ней несколько часов. Есть такая индейская практика – «Похороны воина». Смысл в том, чтобы молодой индеец провел под землей ночь, а утром, преодолев страх смерти, вылез мужчиной. Понятное дело, преодолевался страх с помощью разных растительных штук. В нашем случае имел место адаптированный вариант, без мескалинового допинга. «Вам может привидеться всякое, – страшал руководитель тренинга. – Но ничего бояться не нужно, это лишь ваши страхи». Я боялся только не успеть на вечерний поезд в Москву, где работал тогда, поэтому рьяно принялся копать. Рытье – самая неприятная часть процедуры. Во-первых, жарко, а во-вторых, шапкинские перелески полны комаров и гнуса. Часа через три руки и лицо были, как у человека, больного ветрянкой. Я по натуре ленив, поэтому особо не утруждал себя шанцевыми работами, а вот мои сотоварищи – кто из Москвы, большинство из Питера, один человек из Челябинска, пара из Мурманска – устраивали себе настоящие лежбища, чтобы можно было раскинуться, устилали пол могилы мхом и спальниками. Мне было завидно, поскольку из всех удобств имелась только бутылка воды и плеер.

...Я об этом вспомнил, когда недавно «Первый канал» пригласил выступить в программе Малахова «Пусть говорят». Не то чтобы я недолюбливал Андрея, не то чтобы мне не нравилась программа. Просто я ее до этого смотрел один лишь раз. Забавный паноптикум, не более. Обсуждение дутой проблемы без определенных выводов. Бюджетный мозговой попкорн. Не мой стиль. С другой стороны – высокий рейтинг, а значит, возможность засветиться. Могу же и я рассчитывать на свои 15 минут славы в глазах домохозяек, им еще придется сочувственно утирать глаза платками во время рассказа о моих «похоронах». Ведь тема программы звучала пугающе: «Репетиция смерти». Было, кстати, что репетировать: в студии – полный

швах. Софиты разогрели площадку градусов до 40. Зрителям хорошо, у каждого второго веер, а мне пришлось узнать, что имеет в виду девушка, когда говорит: «Тушь потекла».

«Сергей, а что вы чувствовали в могиле?» – спросил Малахов, откидывая прядь со лба. До меня уже опросили барышню, проспавшую 16 лет и научившуюся летать и понимать язык птиц и зверей (по студии не летала и не щебетала), моложавую даму из Саратова, мечтающую, чтобы после смерти из ее тела сделали бриллиант, потомка Гоголя, заживо похороненного дедка. В этой кунсткамере ваш покорный слуга был достойным экспонатом и добросовестно начал рассказывать.

...Закончив рыть, я сделал изогнутые воздуховоды (чтобы свет не проходил по верхнему краю ямы, закидал ее ветками, поверх них постелил полиэтилен и забрался внутрь).

В общем и целом, моя «могила» скорее напоминала землянку: я поленился раскопать яму вишрь и поэтому уместился на дне ее полубоком. Глубина «залегания» – около метра. Хорошо еще, что выкопал полочку для бутылки с водой, иначе пришлось бы греть ее на груди. Воздуховоды представляли собой каналы по верхнему краю ямы. Когда их накрыл полиэтилен, выяснилось, что свет немного проходит, пришлось заткнуть их клубками сухой травы. Полиэтилен на «стропилах» из еловых веток служил крышей. Плотный и черный, он практически не пропускал свет, но «погребение» без земли – это неспортивно, поэтому сверху на «крышу» набрасывается земляной холм. Снаружи – настоящая могила, только без креста.

«Да ты эгоист», – многозначительно заметил голос сверху. «Посвятитель воинов» еще немного поворчал, что я мог бы хотя бы наполовину прикрыть полиэтилен песком, чтобы ему работы было меньше. «Но я тебя с удовольствием закопаю», – резюмировал он, взял лопату и бодро воздвиг на моей могиле внушительный, как потом выяснилось, холм. Наступила тишина без комариного писка в ушах, стало прохладно и сыро. Сдуру я закурил. Вот этого никогда не следует делать в могиле. Дым не выветривается, а оседает на одежде и премерзко воняет. Воткнув наушники, я поставил в плеере альбом Жана-Мишеля Жара. Не послушав и трех минут, выключил. Замогильные синтезаторы гуру электронной музыки вызывали ужас. Казалось, что в этой темноте, когда все равно, закрыты или открыты глаза, что-то высунет костлявую руку из песка и схватит за лодыжку.

В общем, стараясь не думать о грудке песка, под тяжестью которой полиэтилен на «потолке» вздулся пузырями, я уснул. Снилось всякое, но ничего не запомнилось, кроме боли в пояснице. Отлежав положенные четыре часа (это было минимальное время «погружения»), я начал кричать. Минут через пятнадцать мои крики услышал проходящий грибник. Не знаю уж, что он подумал и какие памперсы использовал, но подмогу вызвал. Организаторы семинара, отошедшие подальше от «могил», чтобы не мешать шумом, откопали меня... Никогда не курил с таким удовольствием и при таком скоплении журналистов. Смачно затянувшись, я ехидно сказал в диктофоны коллег, что интервью не будет. Этот эксклюзив мой.

После горячего чая мне вручили бубен и отправили будить остальных «покойников». Звук бубна под землей чувствуется, как удар подушкой по голове. То тут, то там, как в «Возвращении живых мертвецов», из-под земли показываются руки. Бледные, засыпанные песком тела, вяло вылезающие из ям, дополняют впечатление. Жаль, нет профессиональной камеры, вполне можно снимать сиквел... А дальше – каждый сам по себе: паренек из Мурманска сел у сосны и жестами, как комаров, отгонял назойливых журналистов. Он не вообще не желал говорить, а думал о своем. Девушка из Москвы впала в истерику и часа полтора рыдала в голос. Ей за время лежания под землей пришла в голову здравая мысль – помириться с матерью. Челябинца, к слову сказать, я так и не дождался. Он был на семинаре во второй раз и, судя по словам организаторов, собирался пробыть в яме всю ночь. Что касается меня, то в истерику я не впадал и не ощущал, как «черный осьминог вытягивает из моего тела шупальца по одному», как одна впечатлительная дама из Москвы. Честно говоря, главной задачей было – написать статью о людях, которые идут на психотренинг, чтобы избавиться от каких-то личных

проблем. Поэтому я прислушивался больше не к внутренним ощущениям, а фиксировал происходящее снаружи. И главный вывод «Похорон воина», сделанный мной, вынесен в заголовок статьи. Наверное, это обычная журналистская толстокожесть. А может быть, просто проблем нет. Мне в могиле понравилось: тихо, прохладно, и мухи не кусают. Но я не стал бы советовать вам самокопание как лучшее средство избавления от жары, впрочем, как вариант может подойти. Главное – не курите в могиле...

90-е – это моя молодость. Время, которое не может омрачить даже инфляция, нищета и спирт «Рояль», подкрашенный «Юпи». Мотало тогда меня-студента знатно: из этнографических экспедиций на курсы крупье в казино. От сочинителя предвыборных листовок для Елены Мавроди (ага, жены того самого, который построил МММ) до педагога-организатора в средней школе.

Моя жизнь всегда напоминала лоскутное одеяло с прорехами. Был пионером и прошел курс молодого комсомольца, но в ВЛКСМ вступить не успел, потому что падение Союза, как цунами, пришлось по одной шестой части суши. До сих пор в подкорке прекраснотушные слова о мировом братстве, а сталкиваться пришлось с проявлениями мерзейшей и бессмысленной жестокости на улицах городов и войнах. Хотел честно служить, а надо было хапать. И профессию выбрал по степени взбалмошности характера, и этот сборник текстов прыгает по годам и территориям. Но мне просто нужно было закрепить каждый кусок пазла в общей картине, чтобы он не потерялся. Или не потерялся я сам...

Любой 20-летний рано или поздно начнет оправдывать собственные неудачи или, наоборот, победы, а главное – пороки принадлежностью к «потерянному поколению». У Ремарка герои любили и пили, оправдываясь войной, ставшей водоразделом между юностью и взрослением. После Великой Отечественной пили по той же причине, в 60-х – потому что «страну построили», в 80-х – потому что застой. Мое поколение старательно губило себя из-за несоответствия ожиданий. Вот представьте: мои родители с младенчества моего ежемесячно платили за мою страховку. Предполагалось, что к моменту моего 16-летия, когда сумму можно будет получить на руки, она будет настолько внушительной, что позволит мне обрести крылья или, как минимум, трамплин во взрослую жизнь. Где там! В итоге на эти гроши в 1991-м можно было купить две палки колбасы. Ну, или вот еще пример: в первом классе я расписал свою жизнь в блокноте. Как сейчас помню, в 2000-м должен был состояться мой первый полет в космос (естественно, космонавтом). В школе я методично продвигался в этом направлении – ходил в астрономический клуб «Апекс» при Дворце пионеров, тренировался, читал кучу специфической литературы. И вот – невозмутимый Сфинкс страны Советов начал разрушаться. Сначала нос отпал, потом накладные волосы из песчаника, дальше – лапки, коготочки, пищевод... И все накрылось медным тазом. Пришлось перекалвалифицироваться в журналисты.

Справедливости ради нужно заметить, что ближе к звездам я все-таки стал. В 2004 году по заданию все того же «Русский Newsweek» прошел часть курса подготовки космонавтов в Звездном городке. Однако унылое верчение на центрифуге и поглощение орбитальной пищи на Земле оказалось ну никак не интересно. Ни невесомости, ни «только из космоса я увидел, как прекрасна наша планета». Но все-таки мне повезло больше, чем одноклассникам, которые в свое время избрали лукавый путь торговли металлическим ломом. В живых остались единицы, и их искореженные судьбы не могут быть примером для подрастающего поколения.

Вот, кстати, оно – нынешние 20-летние. Поколение Z, как их сейчас называют. Жили на шее прилично зарабатывающих родителей, добровольно погружившихся в пучину офисного планктона, ловили Wi-Fi в Макдоналдсе под неспешное поглощение картошки фри и сливочного коктейля. Потом закончили элитную школу и престижный вуз (а сейчас они все такие, да), только-только стали разбираться в смузи, сортах сыра и офисном этикете, как выяснилось, что сыр не растет на дереве и офисный переключатель бумаги, в общем, не нужен. А за окном –

поддатые группы уволенного пролетариата, а за дверью – коллектор, пришедший с битой спросить про ипотечные выплаты. И вот уже образовалось новое потерянное поколение, а значит, мне можно перестать манкировать годом рождения и эпохами, через которые пришлось продраться. Да, звезд не хватало, но космос в итоге нашел – на Земле...

Закулисье Азии: Садык и девальвация

...Он никогда не отличался многословностью, тихий был этот Садык. Молча сидел, гоняя чай, в нашей палатке, бесшумно уходил, так же бесшумно приходил, без слов резал горло козам. Коверкая русские слова, только застенчиво просил тряпку – оттереть кровь с рук – и несколько раз предупреждал, чтобы не трогали его берданку – кремневое ружье с прикладом в изоленте, доставшееся в наследство от деда. Еще помню его взгляд: ресницы одного глаза были у Садыка совсем седые, а зрачок подернут плесенью бельма. Мертвый глаз, дурной. В другом – напротив – плескалось черное горное безумие, когда Садык припадал к прицелу ружья, чтобы подстрелить байбака. В пыльном засаленном халате, такой же невообразимого цвета чалме, раздвинув ноги, словно сошки пулемета, уперев ступни в чунях из кусков автомобильных покрышек в камни, часами он лежал, выслеживая толстого горного сурка. Байбак нас и познакомил.

«Садык, а что это за зверь живет в соседнем ущелье, жирный такой, как хомяк?» – спросил я его как-то. «Когда приходит?» – живо заинтересовался мой собеседник. «Утром...» На следующее утро Садык уже лежал в засаде. Унялся даже ветер над хребтом Чуль-Баир, и даже солнце ушло за арчу, чтобы не ослепить единственный рабочий глаз стрелка. Щелкнул курок, фыркнул порох на полке, ружье оглушительно, по-стариковски отхаркнуло заряд. «Не попал...» – Садык поднялся, не спеша зарядил ружье, пробормотал молитву, и мы пошли пить чай. Был 1998 год. Россию, как грушу, тряс дефолт, где-то в другой жизни можно было принять горячую ванну, в четырех сутках пешего пути есть книжный магазин, тут – Средневековье, тишина и постоянное ощущение опасности...

Это была первая моя серьезная экспедиция. На месяц, в горы Узбекистана, недалеко от афганской границы, а дальше – в одну из глубочайших пещер мира Бой-Булок. Я долго ула-

мывал друзей-спелеологов взять меня с собой. «А ты с рюкзаком-то ходил?» – спрашивали они. «Да, на Таганае был», – отвечал я, не понимая, почему дружный смех был мне ответом. Когда все-таки спелеологи согласились, настало время уламывать главреда. В самом деле, странно выглядит, когда корреспондент областной газеты уходит на месяц непонятно куда, непонятно зачем, а самое главное – какое отношение все это имеет к сельскому хозяйству, металлургии и прочей общественной значимости. В итоге пришли к компромиссу: я еду, но в счет своего отпуска, зато с оплаченными суточными...

Выехали на «Икарусе». Почти неделю прожили в автобусе. Водители работали посменно, так что останавливались, только чтобы дважды в день поесть. Российские дороги, облаканные классической критикой, это хайвэй по сравнению с дорогами Узбекистана. Зато хватало экзотики. Как только солнце уходило за горизонт, мы останавливались поужинать. Меню узбекского придорожного общепита стандартно: лагман, шурпа, плов, самса. Зато цены – просто фантастика. Точно не помню, но накормить бригаду в 20 с лишним человек можно было за сущие копейки. Мне нравился лагман – жирная похлебка из мяса, овощей и лапши.

Начальник экспедиции Александр Вишневский настоятельно рекомендовал пить за ужином водку. Во-первых, чтобы снизить опасность отравления в антисанитарных харчевнях, во-вторых – для скорейшей акклиматизации (все-таки мы резко набирали высоту), ну и для глубокого сна. Водка, да и вода в тех краях, надо признать, просто омерзительна. Сделана из кукурузного жмыха – мутные такие бутылки с криво наклеенными этикетками. Мало кто мог выпить больше 50 положенных граммов, так что на остатки нашего застолья, как чайки, слетались страждущие и сцеживали из бутылок... На стоянках вокруг автобуса приплясывали цыганки с зажженными вениками. Запах конопли не оставлял сомнений. Сегодня такие танцы называются «промоушн», или продвижение товара.

Особенно мучительно пришлось нам на границе. Солнце раскалило стоящий в очереди «Икарус» до состояния сауны. Ходить с голым торсом, а уж тем более в шортах в Узбекистане не принято. Во избежание проблем мы сидели и не высовывались из автобуса, а Вишневский бегал снаружи, кому-то что-то доказывал, тряс документами.

В Ташкенте я первым делом побрил голову наголо: прожить месяц в такой жаре без возможности помыться – пытке подобно.

Наконец приехали в Бойсун, маленький городок, где дни население проводит в чайханах. Чертовски хотелось арбузов и персиков, которые кучами продает малая, трудоспособная часть этого населения. Но Вишневский наложил вето, зато разрешил упиваться чаем (чоём, как его тут называют), чтобы вывести шлаки перед долгим подъемом к вершине Чуль-Баира. Пару дней мы не вылазили из чайханы, пили чой литрами, потея. Ночевали в доме (вернее, в саду тамошнего милицейского начальника. Ножки здорового деревянного спального настила опущены в консервные банки с водой – чтобы не тревожили пауки, многоножки, сколопендры и прочая нечисть, которой тут в избытке...

И вот представьте картину: мирное бойсунское утро, еще прохладно, еще в арыках течет вода, мулла только что закончил намаз, старики расходятся по чайханам, молодежь тащит тележки с дынями на рынок. По дороге идет толпа из двух десятков парней с бритыми головами. На ногах у них – тяжелые ботинки, в руках – коробки с тушенкой, печеньем и макаронами. Они громко смеются и громко говорят. Это – мы. По пути замечаем книжный магазин. Он, разумеется, закрыт на ржавый висячий замок. Из двора выбегает маленький сухонький старик в тюбетейке и очках, делающих его похожим на глазастого лемура. Он суетливо отпирает замок: «Прошу вас, зайдите, – чисто говорит на русском, – у меня уже полгода не было покупателей». Внутри магазинчика пыльно и прохладно. На полках – книги, но сплошь на тюркских языках, о которых мы не имеем ни малейшего понятия. Извинившись, собираемся уходить. «Постойте, вот книга на русском», – говорит старичок и протягивает «15 способов познания женских прелестей» – сумрачный репринт, самопальный покот-бук, были такие в 90-х. «Это

перевод персидского трактата, – говорит хозяин магазина. – И цена символическая...» Объясняем, что с прелестями у нас в ближайший месяц напряженка, а туалетной бумагой и так запаслись. «Ну тогда просто возьмите», – книжник раздает каждому по трактату бесплатно. Восточное гостеприимство...

Помнится, в командировку я взял с собой диктофон. Одна из многих совершенных глупостей. Наравне с рюкзаком-сидором, таскать который отказывались даже ишаки, и ватным спальником, весящим после дождя килограммов двадцать. Вся фактография экспедиции уместилась на нескольких клочках листа А4. Остальное – в голове. Что можно записать о пешем переходе по – как сейчас кажется – отвесной стене Чуль-Баира, о пауке-каракурте, уютно устроившемся на лямке моего рюкзака (я тогда наивно спросил побелевшего от ужаса коллегу, как называется этот черненький блестящий паучок)? Какой диктофон передаст звук селя, к чертям смывшего наш первый лагерь? Где найти фотоаппарат, который передал бы вестибулярное ощущение, когда кажется, что линий горизонта – несколько, когда падаешь на ровном месте, словно после литра водки..?

Чуль-Баир – это не гора, это хребет, который похож на врезавшийся в землю углом кирпич. Высота лагеря – что-то около трех тысяч, там находится узкий лаз в Бой-Булок, выше – острый гребень, отвесно обрывающийся в долину. Когда штурмовые группы одна за другой ушли в пещеру на две недели, в лагере остался только я, Илья и Дэн. Задача – присмотреть за вещами и сделать несколько неглубоких вылазок в Бой-Булок для фотосъемки. «Ты на веревке как, висел?» – сумрачно спросил как-то Илья, альпинист со стажем. «Да нет, не пришлось». «Пойдем», – сказал он, навьючил меня веревками, альпинистским железом и отправил под стену ущелья-сая. Объяснения Ильи были конкретны и немногословны. «Короче, надеваешь обвязку, это – туда, это – сюда. Берешь молоток и забиваешь вот эту фигню в стену. Потом крепишь ухо, на него карабин и встегиваешься. Когда добьешься до верха, лазишь по веревке вверх-вниз с перестежками». Наверное, так и нужно было. Илья уходил, чем-то занимался в лагере, готовил еду, а я долбил скалу и «с перестежками» лазил по веревке часами. Мне нравилось, появилось чувство, что вот оно – мое. Через несколько дней Илья привязал веревку на скалистом клыке метрах в двадцати от земли. «Давай!» крикнул он откуда-то сверху. Я полез, пугаясь, когда веревка начинала «играть», как резинка. На клыке лежал улыбавшийся Илья. «Это хорошо, что ты нашел себя», – сказал он. И было это дороже любой похвалы...

Вечерами, когда ночь падала нокаутирующей тишиной, мы сидели у костра и молчали. Иногда Илья играл на комузе. Днем ходили на вершину, каждый раз уходя все дальше от лагеря, или опускались в сая. Когда-то в этих саях кипела жизнь. Жители долинного села Дюйбало еще в конце 70-х сообразили, что охотой на горных козлов можно лишь поддерживать собственную жизнь. Чтобы развиваться, нужны деньги. Из Афганистана пришли сумрачные бородатые люди, объяснившие, что в этом скрытом от посторонних глаз районе можно неплохо заработать. Дюйбалинцы – и Садык, конечно, – принялись рассаживать мак и коноплю в саях. Селение имело 80 полей опиумного мака, находившихся под контролем 40 охранников. Сумрачные афганцы забирали урожай и растворялись среди приграничных хребтов. Садык охранял плантации от воров, стреляя на звук и на поражение. Все было хорошо до тех пор, пока не прилетели советские вертолеты и не выжгли напалмом ущелья. Садык ничего не понял, но снова начал бегать по горам за козами. В незамутненной системе его моральных ценностей не было места высоким материям. То, что приносит прибыль – правильно. Если кто-то оказался сильнее – переживу, потому что жить надо. Одно колесо от «жигулей» в сезон – обувь, одна лепешка из непросеянной муки – пища на день, одна подстреленная коза – еда для всей семьи на неделю. Первобытная эта логика и пугала, и восхищала одновременно. Садык – как змея. Тронешь – убьет, не задумываясь и не терзаясь потом по ночам. Подружишься без посягательств на его образ жизни и имущество – станет верным товарищем. Он и был таким: показывал, как ловить за хвост скорпионов, как связывать человека, свежевать козу. Хотя причиной

тому вряд ли была его врожденная благосклонность к русскому пришельцу. Дело в том, что много лет назад экспедиция с участием Вишневого вынесла из Бой-Булока останки жителя Дюйбало Мустафы. Он стал первым исследователем пещеры и первой ее жертвой. В благодарность за это родственники Мустафы (а это – понятное дело – все село) разрешили приходить сюда и не трогали понапрасну, разве что воровали по мелочи: консервы, старые майки, сапоги...

В Дюйбало по приглашению Садыка мы пришли в самом конце экспедиции. Спускались по шато – вбитым «змейкой» в вертикальную стену бревнам. Высота стены – 300 метров, перил нет и в помине. Жутковатое ощущение. В Дюйбало нас уже ждали. В ореховом саду у старого Шахимордона – дальнего родственника Садыка – постелили достархан. После месяца на тушенке и макаронах мы, как саранча, смели плов, который не имел ничего общего с уральским «контрафактом», наелись шурпы. Нет ничего лучше, чем, наевшись, наконец, лечь у достархана и слушать рассказы Шахимордона о хадже, Мекке. Садык как младший мужчина неслышно подливал чай в пиалы. В этом раю было почти все: звезды, цикады, прохлада и чистые носки. Садык сел рядом и учил меня употреблять насвай – легкий местный наркотик, в состав которого входит, в том числе, куриный помет. Мерзость неопишная, но вполне аутентичная. Утром я попробовал самое, пожалуй, странное блюдо в жизни. Оказалось, что всю ночь, пока мы спали, в тандере, где пекут хлеб, была замурована козлиная туша. За много часов она превратилась в нечто тушено-копченое. Удивительно вкусно...

На этом книгу благостных воспоминаний можно закрывать. Был, конечно, Самарканд, была Бухара, но так хотелось домой, что древние города и современные кабаки меркли в сравнении с дымящими трубами Челябинска. Но Родина встретила нас неприветливо. На границе с Казахстаном я купил пачку сигарет по цене, за которую до поездки купил бы блок. Дефолт 98-го. Все, что нажито непосильным трудом, и так далее. В голове не укладывалось, что беда может произойти вот так стремительно и беспощадно. Голодный, злой, бритый, выжженный до черноты узбекским солнцем, с пробившейся щетиной я шел через толпы бледных, но тоже злых, внезапно обнищавших людей.

«Мама, это я, Сергей», – просипел в открытое окно родительской кухни. Мама испуганно вскрикнула, но сразу узнала и кинула ключи от подъезда. Я зашел домой и... Это, к счастью, не поддается девальвации.

Эта статья – тоже из «Закулисья...» Помните, я говорил, что про мою жизнь много написано, и даже про то, как писалось, тоже? Это как раз в «Закулисье...» и собиралось все. Дальше – полная версия среднеазиатского вояжа.

Эти два текста разделяет десять лет. Вообще, удивительно, как мне, пацану еще по профессиональным меркам, еженедельно отдавали разворот в крупнейшей региональной газете для публикации. Сейчас такое, конечно, представить трудно. Кстати, за «Азиатский дневник» я получил «Золотое перо», награду, которой горжусь до сих пор.

Совершенно не помню, откуда взялось такое толкиеновское название «Азия: туда и обратно», вроде бы я называл репортаж «Азиатским дневником». Но в любом случае, рад, что текст сохранился. А вот Александр Вишневский умер. Как рассказывают, его – еще живого – нашли с проломленной головой где-то в районе железнодорожного вокзала Екатеринбурга. Очень жаль...

Гениальный А. Вишневский

Азия: Туда и обратно

Начало. Цены и границы

Лил дождь... Холодные капли с настойчивостью маньяка колотили по обритой голове. Тропа под ногами то вставала на дыбы, то змеила вокруг валунов. Ноги на размокшей глине скользили, как у заправского полотера в залах дворянского собрания. В сотый раз я подумал, а не сбросить ли с плеч ненавистный рюкзак и вернуться. Вот только куда? После четырех дней пути я в составе научно-исследовательской экспедиции оказался в горах Средней Азии, почти на границе с Афганистаном и Таджикистаном.

И кто же назвал Среднюю Азию средней? Никакой усредненности или компромиссов – сплошные крайности. Взять хоть этот дождь. Ничего особенного. Просто первый августовский дождь за 60 лет...

Формально экспедиция началась в Челябинске. В «Икарус» с надписью «Мечел» на бортах проследовала тонна снаряжения и 20 участников экспедиции – альпинисты и спелеологи: Челябинск, Екатеринбург, Москва, Иркутск... Командовал парадом Александр Сергеевич Вишневский – весьма известный на планете Земля спелеолог. Деспот и умница, он умудрялся держать в узде два десятка издерганных тяжелой подземной работой мужиков. Его рассказ об одной из глубочайших пещер мира Бой Булок, куда направлялась экспедиция, вы прочитаете чуть позже, а пока...

Уже двое суток челябинский автобус ехал по казахским дорогам. Степь да степь кругом. Даже Балхаш не обрадовал глаз – что же за озеро, у которого не видно берегов. Все равно остановились, смыли с себя дорожную пыль и снова в путь. Мимо поселков, где на свалках можно найти упавший с ракеты-носителя двигатель, мимо мрачных кладбищ-мазаров, где над могилами выстроены целые дома... Ужинали в придорожных кафе. Лагман, шурпа, шашлык... Незнакомая кухня и климат очень скоро сделали свое дело. Наступила пора акклиматизации: холодный пот на лбу и полная апатия к окружающим красотам.

Ночью во время нечастых остановок в кабину автобуса суетливо влетали летучие мыши. Днем – здоровенные, с ладонь величиной – богомолы. Их поимка осложнялась драчливым нравом насекомых, чуть что норовящих полоснуть по руке лапой с острыми шипами.

...Подъехали к печально знаменитой Чуйской долине. На обочине среди конопляных зарослей стоит фургон с надписью «Пост наркомании». Казахский полицейский у каждого поискал следы уколов на венах. «Что такое героин, знаете?» Откуда? «С собой везете?» Как было не рассмеяться. Везут оттуда, а не сюда. Обиделся, стал листать паспорта. «Где вкладыш российского гражданства?» Так вот же прописка. «Пройдемте...» Пришлось дать взятку. Пока разбирались, мимо размахивающего жезлом сержанта спокойно проехали несколько иномарок. Догонять их никто не собирался. На одной из стоянок к автобусу подошла цыганка, которая не говорила по-русски, но ясно дала понять, какой товар предлагает, помахав перед открытыми окнами горящим пучком сушеной конопли.

...С территории Казахстана нас выпустили быстро. Парень в белой рубашке поднял и опустил шлагбаум. Узбеки взялись за таможенные процедуры всерьез. Для начала пришлось заплатить 30 рублей за «дезинфекцию» (мужик в халате облил колеса автобуса чем-то из канистры). Потом долго заполнялись декларации, и полицейский чин рассмотрел содержимое одного из рюкзаков (это для чего? что за таблетки?) Через четыре часа мы были в Ташкенте. Езды до него было, в общем-то, на час, но узбекские «гаишники» с поразительным упорством останавливали «Икарус» через каждые пять минут. Это происходило так: откуда-то слышался переливчатый свист. Автобус останавливался, и водитель долго всматривался,

не идет ли дорожный инспектор. Тот не шел. Автобус трогался – свист заливался снова. Очень скоро выяснилось, что ни один инспектор не покинет своего «поста» с чайным столиком в тени развесистого тополя. Также скоро стало ясно, что, выходя из автобуса, права водителю можно с собой не брать. О том, что с документами у пассажиров транспортного средства с челябинскими номерами все в порядке, было сообщено по рации. Так что служивый только спрашивал лениво: «Дэньги эсть?». На что следовал немедленный отзыв нашего находчивого водителя: «Нет, в автобусе оставил». «А-а, тогда проезжай», – благословлял разморенный инспектор и погружался в изучение содержимого пиалы. Как бы то ни было, скоро мы оказались в древней, но отстроенной вновь столице Узбекистана.

...Экс-граждане России, встреченные мною в Ташкенте, говорят, что Аллах не живет в городах. Ему больше нравятся горы. Не знаю, так ли это, но законы шариата никак не проявляли себя на вполне европейского вида ташкентских улицах. Не было видно стыдливо закрывающих лицо чадрой девушек. А мужчины с непроницаемой азиатской невозмутимостью преспокойно общались с трубками сотовых телефонов. Отсутствие строгого надзора за нравственностью, предписанной Кораном, компенсировала строгость официальных законов. По Ташкенту можно без опаски гулять хоть днем, хоть ночью – милиции больше, чем звезд на маршальской груди. Машины, стоящие вдоль дорог, никто не закрывает. За кражу железного коня вполне можно получить 15 лет тюремного заключения. За умышленное убийство, изнасилование – расстрел, посему даже среди преступников дураков нет.

Незаконные валютные операции караются трехлетним тюремным заключением, что создало нам определенные трудности с обменом «деревянных». Дело в том, что официальный курс рубля в обменных пунктах Ташкента в два раза ниже рыночного. Пришлось, таясь и в оглядку, менять рубли на базаре по курсу «1 рубль к 30 сумам». Игра на разнице официального и рыночного курса привела к невиданной для россиянина дешевизне. В Узбекистане безумно дешево можно купить автомобиль «ДЭУ», собираемый на совместном узбекистано-корейском конвейере. Жаль, что таможенные поборы при перегонке машины в Россию аннулируют достоинства международного сотрудничества. Цены на базаре навевают сладкие воспоминания о колбасе «за два-двадцать». Пудовый арбуз можно купить за пару рублей.

Азиатский базар представлялся мне уникальным явлением – шумным и пестрым, как одеяния красоток с раскосыми глазами. На самом деле он оказался достаточно неприглядным зрелищем. Отсутствие какой бы то ни было санитарии и однообразный ассортимент. Мед, овощи, арбузы, дыни, пряности и масса продавцов газированной воды – жарко все-таки. Просто удивительно, как эти же самые вкусы дорожают на челябинском рынке. Немного успокоил бухарский базар. Там оказались и кузнечные ряды, где на моих глазах отковали пару длинных и широких ножей, называемых здесь «пчак». Заплатил я за эти ножи довольно кругленькую сумму – а все из-за неумения торговаться.

О, торговля – искусство говорить чепуху, честно глядя в глаза. На среднеазиатском базаре можно не сомневаться, что указанная на ценнике сумма превышает требуемую примерно в два раза. Впрочем, бывают и исключения. Помнится, торговка персиками на бухарском базаре показала знаками, что одна единица ее товара стоят 40 сумов. Посчитав (как любой неизбалованный фруктами уралец) рубль за персик приемлемой ценой, я выдал ей 120 сумов и был приятно удивлен, когда в пакет было высыпано 3 килограмма сочных фруктов...

Провинциальное чаепитие

Каждый участник экспедиции получил на руки минимальную месячную зарплату узбекского рабочего – 3000 сумов и шесть часов на разграбление города. Прогулять эти деньги в бесчисленных ташкентских кабачках можно за полчаса, ибо цены на ликеро-водочную и сопутствующую продукцию сопоставимы с российскими, зато на базаре за эти же деньги можно забить дынями кузов «Газели».

Несмотря ни на что, восточный базар был и остается культурным и деловым центром города. Административный центр принадлежит миру капитала и весь изукрашен рекламными планшетами. Экзотический вид рекламе той же «Кока-Колы» придает лишь фото группы молодежи в тюбетейках, радостно поглощающей газировку. А вот вокруг базара сосредоточены дешевые кафешки и магазины для туристов – владения хитроумных правнуков Ходжи Насредина. В одном из них мне попытались всучить фальшивый римский динарий из свинца и кучку российских монет, побывавших в пожаре. Продавец уверял, что это алтыны и гривны, чекаленные чуть ли не при Владимире Красное Солнышко... Но дыхание времени я ощутил только в Бухаре.

Два с половиной тысячелетия никак не отразились на облике города. Узенькие улочки, на одной из которых мы, к своему изумлению, наткнулись на шикарную дверь с табличкой «Гостиница Sasha & Son». Отреставрированные и потому блистающие глазурью мозаик минареты. И даже новые здания строят, подражая старинным медресе и мечетям. Но все равно халтурят и просто обкладывают кирпичом бетонный «скелет». В Бухаре мы побывали на пути домой. 45-градусная жара колыхала в воздухе очертания гостиницы «Интурист». На площади перед гостиницей симпатичные девушки по команде разворачивали полотнища с лозунгами на узбекском – страна готовилась к празднованию Дня независимости. Подкрашены тысячи плакатов вдоль дорог с изречениями, подписанными «И. Каримов» (жалею, что не знаю узбекского), фасады многоэтажек украшены панно из лампочек. В общем, с идеологической платформой в Узбекистане все в порядке. Наши соседи стали настолько независимы, что на второй день экономического кризиса из российских купюр можно было делать самолетики – настолько стала низкой их стоимость по отношению к национальной валюте. Складывалось впечатление, что ни на узбекские сумы, ни на казахские тенге взлет курса доллара никак не повлиял. Дошло до того, что в сотне километров от российско-казахской границы три бутылки скверного пива стоили 50 рублей. Из этого хаоса цен нас вытянул только неприкосновенный запас долларов в «общественном фонде» экспедиции. Весь этот финансовый ужас нам пришлось пережить значительно позже. Пока же мы просто сидели в небольшой чайхане, где официант ежеминутно подбегал и осведомлялся в полупоклоне, можно ли уже принести кофе и все ли было вкусно. Даже стало забываться, как месяц назад однажды утром я открыл глаза и увидел в окне автобуса дорожный указатель «Бойсун»...

Бойсун – это небольшой городок в горах. Пока автобус осторожно сползал с перевала, мы вдоволь успели налюбоваться на глиняные домики, разбросанные по пыльным склонам. Отсюда нам предстояло совершить последний решающий рывок к вершине Чуль-Баира – громадной каменной «столешнице», скрывающей лабиринты пещеры Бой Булок.

Ближе к полудню Вишневский совсем утонул в объятиях восточного гостеприимства и почти договорился насчет ночлега, а мы, разгрузив «Икарус», отправились на базар. Появление на бойсунских улицах десятка бритоголовых парней с рюкзаками вызвало несомненный фурор. Люди останавливались и провожали нас взглядом. Несколько женщин отвернулись, прикрыв лица концами платков. Продавец в книжном магазине, узнав, что мы из России, с акцентом и видимым удовольствием покрыл матом свой скудный товарооборот. Выговорился и немедленно предложил купить у него «Книгу о познании женских прелестей» (перевод пер-

сидского трактата 15 века, розничная цена 15 рублей старыми). Его предложение имело успех и две брошюры с откровенными миниатюрами на обложке перекачывали в карманы участников экспедиции. Узнав, что познание женских прелестей не грозит нам в ближайший месяц, старый книготорговец расчувствовался и раздал перевод с персидского каждому в подарок...

Наконец мы оказались на базарной площади, взятой в окружение чайханщиками. Чайхана в Азии – это место встречи, которого миновать все равно не удастся. Темнокожие мужчины лежат, уперевшись локтем в замасленные одеяла, и пьют зеленый «чай». Час, два... Кажется, приди сюда через неделю, они все так же будут пить свой чай, ведя неторопливую беседу. Мы тоже решили последовать их примеру, но для этого выбрали чайхану более-менее европейскую – с пластмассовыми стульями и вентилятором на потолке. После первого чайника стало ясно: чем-то эта чайхана отличается от сотен других. Во-первых, сам чай стоил в два раза дешевле, чем принято, а во-вторых, внезапно мысли обрели странную плавность. Сам собой утих в ушах базарный шум, и время потекло совершенно незаметно. Я отнес эти явления на счет дорожной усталости, но когда взглянул на соседей за столом, понял, что они тоже пребывают в недоумении по поводу своего состояния.

Начали рассматривать заварку, в которой и обнаружили зубчатые листья конопли. Чайханщик только хитро шурился, когда у него допытывались, чего же он добавил в свою фирменную заварку. За распространение наркотиков узбекское законодательство предусматривает смертную казнь, поэтому скрытность хозяина харчевни вполне понятна. Выбравшись из чайханы, мы произвели еще одну маленькую сенсацию, скупив на корню всю картошку и помидоры на базаре.

А когда-то Бойсун славился своим богатством. В 1918 году, спасаясь от карающей руки Красной армии, из него бежал в Афганистан последний узбекский хан. Предусмотрительность хана не знала границ, поэтому в эмиграцию он прихватил весь свой гарем и отару тонкорунных овец, популяцию которых восстановить не могут до сих пор. Задолго до хана с Бойсунского хребта скатился молодой, но горячий Александр Македонский. Его триумфальная армия просто не выдержала бесконечного преодоления снежных перевалов, где за каждым камнем скрывались мобильные отряды отчаянных горцев.

...Ночевали у Зара – бывшего обкомовского работника и большого друга Вишневского. После четырех ночевок в скрюченном виде на креслах автобуса представилась возможность в буквальном смысле протянуть ноги. От чайных возлияний и сытного плова спали, как убитые. Еще с вечера на начинавшую набухать Луну время от времени наползали клочковатые облака. Тогда им никто не придавал значения...

Пуд селя

...В 6 утра вещи и продукты были погружены на трехосный «Зил». По странной иронии, водителя грузовика звали Урал. Он отлично говорил по-русски, а вот его напарник Вовчик – блондин с типично волжской внешностью – на языке Толстого и Тургенева не вымолвил ни слова. Потом я узнал, что Вовчик всю свою жизнь прожил в Бойсуне: сначала детдом, потом школа-интернат, потом работа водителем. В Сурхандарьинской области, где мы находились, во время эпохи развитого социализма национальности смешались самым причудливым образом. Здесь, на территории Узбекистана, живут в основном таджики. Совсем нет русских, зато встречаются беженцы из Афганистана.

Но социализм кончился, и кончились дороги. Урал оказался замечательным водителем, но даже он не смог заставить потрепанный «Зил» забраться на кручу хребта Сурхантау. Через 6 часов езды по разбитой колее, то тут, то там сползающей в пропасть, грузовик встал основательно и надолго в кишлаке Алачапан... Дождь, накрапывавший весь день, усилился и пошел стенами. Стены домов из глины, смешанной с соломой, побурели, и одна за одной с них посыпались ишачьи «лепешки», используемые здесь в качестве топлива. А нам, в общем-то, такая погода пришлась по нраву – не жарко будет подниматься на Чуль-Баир, к пещере, до которой, по заверениям Вишневого, оставалось 6 часов ходу. После обеда мы набили рюкзаки вещами. Оборудование и провизию погрузили на десяток ишаков. Погонщики резво поспешили за животными в гору, а мы разбились на две группы и потащились следом.

...Следующие 8 часов прошли для меня, как бесконечный страшный сон. Легкие хрипели, как дырявые винные мехи (да простит мне Даль такое убогое сравнение). В голове похмельно шумело от недостатка кислорода в разреженном горном воздухе. Плюс незаконченная акклиматизация и полное отсутствие психологической подготовки к дальнейшему переходу – Урал-то брался доставить экспедицию непосредственно к месту. Через час после выхода из Алачапана мы пришли в Чиндан – «летние дачи» вокруг полей с картошкой. В Чиндане царило странное оживление. Вдоль берегов вялой речушки, крича, бегали мужчины и дети. В воздухе издали приближался шум подъезжающей электрички... Стоп! Откуда здесь электричка? Такой шум может производить только поток грязной воды, швыряющий многотонные камни, – сель.

За секунды река вспухла и, размывая берега, отрезала нас от группы, уведенной жилистым Вишневым далеко вперед. Пришлось обратиться за помощью к местным. Недолго думая, несколько мужиков «связали» два берега тонким сосновым стволом. «Ну, давай, русский!» Идти с рюкзаком над ревущим потоком не решился никто из нас. Тогда, посмеиваясь, двое таджиков за десять минут перетаскали все рюкзаки, ловко обхватывая босыми ступнями импровизированный мост. Перебрались на другой берег и мы – налегке. И снова вдох-выдох, левой-правой к отметке 2600 метров над уровнем моря...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.